

ВЕЧЕРНИЙ СВЕТ

ПОСЛЕДНИЙ ПОЭТ

Оно шумит перед скалой Левкада...

Е. Баратынский

Что ни поэт – то последний. Потом
Вдруг выясняется, что предпоследний,
Что поднимается на волнолом
Вал, как бы прятанный за соседний,
С выгнутым гребнем и пенным хвостом.
Стой! Не бросайся с Левкадской скалы.
Взгляд удержи на какой-нибудь вещи:
Стулья есть гнутые, книги, столы,
Буря дохнет – и листочек трепещет,
Нашей ища на ветру похвалы.
Больше в присыпанной снегом стране
Нечего делать певцу с инструментом
Струнным. Сбылось, что приснилось во сне
Сумрачном: будем с партнером, с агентом
Курс обсуждать, говорить о зерне.
Я не гоюсь для железных забот.
Он не годится. Мы все не подходим.
То-то ни с места наш парусный флот
В век, обнаруживший смысл в пароходе:
Крым за полдня, закипев, обогнет.
На конференциях по мировой
Лирике, к Темзе припавшим и Тибру,
Я, вспоминая огни над Невой
Парные, сопротивлялся верлибру.
О, со скалы не бросайся, постой!
Кроме живой, что змеилась, клубясь,
В бедном отечестве, стыд многолетний,
Есть еще очередь – прочная связь:
«Я», – говорю на вопрос: кто последний?
Друг, не печалься, за мной становясь.

* * *

Смерть и есть привилегия, если хотите знать.
Ею пользуется только дышащий и живущий.
Лучше камнем быть, камнем... быть камнем нельзя,

лишь стать

Можно камнем: он твердый, себя не осознающий,
Как в саду этот Мечников в каменном сюртуке,

Простоквашей спасавшийся, – не помогла, как видно.
Нам оказана честь: мы умрем. О времен реке
Твердо сказано в старых стихах и чуть-чуть обидно.

Вот и вся метафизика. Словно речной песок,
Полустертые царства, поэты, цари, народы,
Лиры, скипетры... Камешек, меченый мой стишок!
У тебя нету шансов... Кусочек сухой породы,
Твердой (то-то чуждался последних вопросов я,
обходил стороной) растворится в веках, пожрется.
Не питая надежд, не унизившись до вранья...
Привилегия, да, и как всякая льгота, жжется.

* * *

Запиши на всякий случай
Телефонный номер Блока:
Шесть – двенадцать – два нуля.
Тьма ль подступит грозной тучей,
Сердцу ль станет одиноко,
Злой покажется земля.
Хорошо – и слава богу,
И хватает утешений
Дружеских и стиховых,
И стареем понемногу
Мы, ценители мгновений
Чудных, странных, никаких.
Пусть мелькают страны, лица,
Нас и Фет вполне устроить
Может, лиственная тень,
Но... кто знает, что случится?
Зря не будем беспокоить.
Так сказать, на черный день.

* * *

Художник женщину в мужской напишет шляпе,
В полузастегнутом прямом мужском пальто
На дебаркадере стоящую, на трапе,
На сходнях с сумочкой в руке. А вам-то что?

Она бы, думаю, понравилась Рембрандту,
Он тоже странности и вольности любил,
Чалму турецкую, равнодушен к банту,
К халату, помнится, к стальному шлему был.

Продрогла, может быть, и шляпу одолжила,
Пальто у спутника, неузнанной взойти
На борт задумала, хватаясь за перила,
Прощайте, близкие, и родина – прости!

Ее, наверное, пленяет перспектива
Иных возможностей, сновидческим под стать.
И что-то в этом есть еще от детектива:
Иначе кто бы стал теперь роман читать?

Неважно всё это, не ясно – и не надо!
Она на мальчика чуть-чуть похожа так.
И что-то в этом есть еще от маскарада.
Томи, загадочность, притягивай, пустяк!

* * *

В кепи букмекер и девушка в фетровой шляпе.
Умный игрок не допьет, а жокей не доест.
Знает ли конь, что участвует он в гандикапе?
Может быть, слово попроще он знает: заезд?

Солнце, слепя, разлеглось на подстриженной травке,
Флаг на флагштоке картавой трещоткой трещит.
Знает ли Прима, что крупные сделаны ставки,
И понимает ли Гектор, что он фаворит?

Господи, как холодит ветерка дуновенье,
Как горячат передвижки в забеге толпу!
Обожествление случая, благоговенье
Перед приметой и тайная вера в судьбу.

* * *

Это Гете о смене сказал поколений: место
Не пустует, – в кафтанах, чепцах, сюртуках, капотах
Приезжают одни, для других это день отъезда, –
И сравнил с пребыванием на минеральных водах.

Да, но только на водах обслуга: официанты,
Билетеры, врачи, рестораторы и швейцары,
В основном, не меняются. Как говорят педанты,
Все сравненья хромают. А кроме того, кошмары

В виде войн, эпидемий, бессмысленных революций,
Выбирая одно поколение, щадят другое.
Предсказания лгут, и, увы, никаких инструкций.
Этим гиблое выпало время, а тем – благое.

* * *

Ошибался Шекспир, полагая,
Будто извергов мучают сны.
Ричард Третий – наивность какая,
Впечатлительность, чувство вины!

Мы-то знаем, как спят они крепко,
На расстрел одного за другим
Отправляя: ты прутик, ты щепка,
И сгоришь, и развеется дым.

Жизнью так же, как смертью, владея,
Набухает и ширится власть.
Для того и нужна ей идея,
Чтобы пестовать лютую страсть.

* * *

Там, где тщеты и горя нет,
Свет невечерний нам обещан.
Но я люблю вечерний свет
И в нем пылающие вещи,
И в нем горящие стволы,
И так ложится он на лица,
Что и прохожие милы,
И эта жизнь как будто снится.

И горький вздох, и жалкий жест,
И тьма, нависшая над нами...
А вечный полдень надоест
С его короткими тенями.
И жаль тщеты, и жаль забот,
И той крапивы у порога,
Что в Царство Божье не войдет.
И в том числе – себя, немного.

* * *

На дорожке лиловые тени
И пахучая, клейкая ртуть.
Вот и ты ученицей сирени,
А не комнатных сумерек будь.

Эта мнительность жалкая наша,
Самолюбия мертвенный мел.
В чем обида? Какая пропажа?
Кто не так на тебя посмотрел?

Отменяет сирень неудачу
И досаду, завесой вися.
Только эту живую задачу
И решает поэзия вся!

Как за каменной с нею стеною:
Ни тоски, ни постылых забот,
Обнимается с вечной весною
И уроки бессмертья дает.